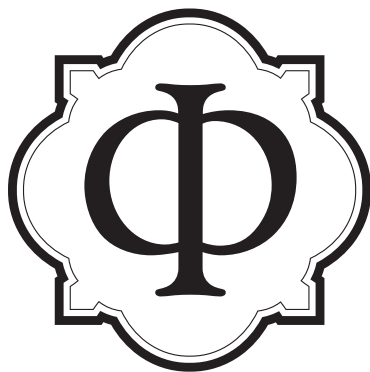

Даниэль Кельман

.....

Даниэль Кельман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44
К34

Daniel Kehlmann
F

Серия «Шорт-лист»

Перевод с немецкого *Татьяны Зборовской*

Издание публикуется с разрешения издательства
Rowohlt Verlag GmbH

Художник *Екатерина Белявская*
Дизайнер *Василий Половцев*

Кельман, Даниэль.

К34 Ф : роман / Даниэль Кельман; [пер. с нем. Т. Зборовской]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Шорт-лист).

ISBN 978-5-17-097874-8

Близнецы Эрик и Ивейн Фридлянды и их сводный брат Мартин отправляются на выступление знаменитого гипнотизера со своим отцом. После представления Фридлянд-старший исчезает: он хочет быть свободен и счастлив — и становится писателем. Его детям остается самим распоряжаться своей жизнью, но она, похоже, оказывается подчинена неведомой им силе. Силе, которая вызовет события одного судьбоносного дня в августе 2008 года.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-097874-8

Copyright © 2013 by Rowohlt Verlag GmbH,
Reinbek bei Hamburg, Germany
© Зборовская Т., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Der große
Lindemann

Великий Линдеман

Много лет спустя, когда каждый из сыновей Артура Фридлянда успел вырасти и давным-давно погрязнуть в своих жизненных неурядицах, никто уже и не мог припомнить, чья это была идея — пойти в тот вечер к гипнотизеру.

А тогда на дворе стоял восемьдесят четвертый год, Артур сидел без работы и писал романы, которые не хотело брать ни одно издательство, и рассказы, которые периодически печатал то один, то другой журнал. Больше его ничто не занимало, но жена его была окулистом и кое-что зарабатывала.

По дороге он болтал со своими тринадцатилетними сыновьями-близнецами о Ницше и о том, какой сорт жвачки лучше, спорил с ними о мультфильме, который шел тогда в кино, где главным героем был робот и он же всех спасал, о том, почему магистр Йода так странно говорит, и о том, кто же все-таки сильнее — Бэтмен или Супермен. Затормозив у обочины пригородной улочки перед одним из множества однотипных домов, он дважды нажал на гудок, и пару мгновений спустя распахнулась входная дверь.

Последние два часа его старший сын Мартин провел у окна в ожидании, томясь от скуки и волнения. Стекло запотело от его дыхания, и он пальцем рисовал на нем рожицы — смеющиеся, серьезные и с разинутыми от страха ртами. Затем снова и снова протирал его рукавом и смотрел, как оно вновь покрывается испариной от его дыхания. Тикали часы на стене. Почему так долго? Проезжала мимо очередная машина, и еще одна, и еще — а отца с братьями по-прежнему не было.

И вот вдруг кто-то остановился, и раздался двойной гудок.

Мартин бросился по коридору, мимо комнаты, в которой закрылась его мать, чтобы не видеть бывшего мужа. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как он стремительно и без труда исчез из ее жизни, но ее по-прежнему уязвляло то, что он мог жить, ни капельки в ней не нуждаясь. Мальчик сбегал по лестнице, промчался по первому этажу, выскочил на улицу и кинулся через дорогу — так быстро, что даже не заметил подъезжавшей машины. Взвизгнули тормоза, но он уже сидел на пассажирском сиденье, закрыв голову руками — и только тогда сердце его екнуло.

— Господи Боже, — прошептал Артур.

Чуть не сбивший Мартина водитель, сидевший за рулем красного «Фольксвагена Гольф», громко заиграл. В этом не было никакого смысла, но, вероятно, еще более бессмысленным ему показалось ничего не сделать после того, что произошло секунду назад. Затем он дал газу и вскоре скрылся из виду.

— Господи, — повторил отец.

Мартин потер лоб.

— Как можно быть таким идиотом? — подал голос один из близнецов, устроившихся на заднем сиденье.

У Мартина же было такое чувство, будто его теперь стало двое. Один был в машине, а другой тем временем скорчился на асфальте, обезображенный и неподвижный. Казалось, его судьба еще не была решена, все еще было возможно — и спасение, и гибель; и на долю секунды у него появился свой близнец, лежавший на дороге и медленно таявший в воздухе.

— А ведь мог бы и погибнуть, — со знанием дела добавил второй.

Артур кивнул.

— Но правда ведь, если у Бога есть на него какие-то планы — какие бы то ни было, — то он не убьет его, а оставит в живых?

— Богу совершенно не нужно строить какие-то планы. Ему достаточно знать. Если Бог знает, что Мартина убьет, его убьет. А если Бог знает, что ничего не случится, то ничего не случится.

— Но так не может быть. Тогда было бы совершенно все равно, что бы ты ни делал. Папа, в чем подвох?

— В том, что Бога не существует, — ответил Артур. — В этом и подвох.

Все умолкли. Отец завел мотор и тронулся. Сердце Мартина постепенно переставало биться так

часто. Спустя пару минут то, что он все еще жив, покажется ему совершенно естественным.

— Ну, что в школе? — спросил Артур. — Как у тебя там?

Старший бросил на отца косой взгляд. Тот немного поправился, но волосы его, тогда еще не тронутые сединой, по-прежнему были взлохмачены, словно их никогда не расчесывали.

— С математикой сложно, боюсь, как бы двойку не получить. С французским все еще не очень. Но зато с английским уже все в порядке, — затараторил он, чтобы успеть сказать как можно больше, прежде чем Артур утратит интерес. — С немецким хорошо, по физике дали нового учителя, с химией все как всегда, но если делаем эксперименты, то...

— Ивейн, — спросил отец, — билеты у тебя?

— Нет, у тебя в сумке, — ответил один из близнецов, и теперь Мартину по крайней мере стало ясно, кто из них Ивейн, а кто Эрик.

Он посмотрел на братьев в зеркало заднего вида. Как всегда, что-то в их сходстве казалось ему неестественным, неправильным, преувеличенным. А ведь пройдет еще несколько лет, прежде чем они станут одинаково одеваться. Удовольствие, которое они получали, сбивая окружающих с толку, продлится вплоть до их восемнадцатилетия — пока они не поймут, что уже сами не могут с точностью сказать, кто из них кто. После этого их все время будет одолевать чувство, что кто-то из них однажды потерял себя и начал жить жизнью другого — а

Мартин так до конца дней и не избавится от смутного подозрения, что на самом деле тем утром его сбила машина.

— Ну и что уставился? — спросил Эрик.

Старший рванулся было назад и попытался схватить брата за ухо, но тот в последний момент увернулся, схватил его за руку и резко вывернул вверх. Мартин вскрикнул от боли.

Эрик отпустил его и удовлетворенно заявил:

— Сейчас разревется!

— Свинья, — дрожащим голосом произнес Мартин. — Тупая ты свинья!

— Именно, — присовокупил Ивейн. — Разревется.

— Свинья!

— Сам такой!

— Нет, это ты свинья!

— Нет, ты!

На этом их фантазия оказалась исчерпана. Мартин уставился в окно и не отворачивался, пока не уверился, что точно не заплачет. В витринах проплывало искаженное, вытянутое, сплющенное в полумесяц отражение их автомобиля.

— Как дела у матери? — спросил Артур.

Мартин медлил с ответом. Что он мог сказать? Этот же вопрос отец задал ему еще семь лет назад, во время их первой встречи, с него начался их разговор. Тогда он показался ему очень высоким, но при этом каким-то усталым и отсутствующим, словно окутанным тонкой завесой тумана. Он боялся этого

человека — и в то же время, сам не зная почему, испытывал к нему жалость.

— Как дела у матери? — спросил его незнакомец, и Мартин никак не мог понять, действительно ли это тот самый человек, который так часто являлся ему во сне, — человек без лица в неизменном черном плаще. Но лишь в тот день, когда он сидел в кафе-мороженом, ковыряясь в своем фруктовом сорбете, политом шоколадным соусом, ему вдруг стало ясно, как же хорошо было не иметь отца. Не иметь ни примера для подражания, ни предшественника, по стопам которого необходимо было идти, ни тяжкого бремени — лишь слабое представление о ком-то, с кем, может быть, ему однажды предстоит познакомиться. И кто теперь перед ним сидел? Кривоватые зубы, взъерошенные волосы, обветренные руки и пятно на воротнике. Такой же человек, как любой другой: как многочисленные прохожие на улице, пассажиры метро — да кто угодно.

— Сколько тебе сейчас лет?

Мартин сперва проглотил мороженое.

— Мне семь.

— А это твоя кукла?

Мартин не сразу сообразил, что речь шла о фрау Мюллер. Как всегда, она была зажата у него под мышкой, и он о ней даже не помнил.

— И как же ее зовут?

Он сказал.

— Какое странное имя.

Мартин не нашелся, что ответить. Куклу всегда так звали — просто-напросто фрау Мюллер. Тут он обнаружил, что у него течет из носа, и оглянулся в поисках мамы, но той нигде не было видно. Она молча вышла из кафе, как только увидела, что появился Артур.

Сколько бы раз Мартин потом ни думал об этом дне, как ни старался заставить их тогдашнюю беседу всплыть из глубин подсознания, у него ничего не вышло. Вероятно, все оттого, что прежде он слишком часто воображал эту встречу, и то, что они на самом деле друг другу сказали, довольно быстро переплелось с тем, что он за все эти годы навывдумывал. Действительно ли Артур сказал ему, что у него нет работы и вся его жизнь проходит в размышлениях о жизни — или Мартин додумал это сам как единственное правдоподобное объяснение, когда уже лучше узнал его? И вправду ли на вопрос, почему он бросил их с мамой, отец ответил, что тот, кто отдается во власть семейных уз, скромной жизни и отчаяния среднестатистического существования, не в силах помочь никому, даже самому себе, что в нем разрастается рак, покрывается жиром сердце и что он уже не живет, а заживо разлагается? По Артуру вполне можно было сказать, что он способен так ответить семилетнему мальчугану, но Мартин никак не мог поверить, что и впрямь ему этот вопрос задал.

Отец вернулся только три месяца спустя. На этот раз он забрал Мартина от дома; на заднем сиденье машины сидели двое до ужаса похожих друг на дружку мальчишек — Мартину даже показалось, что это об-

ман зрения. Они же поначалу разглядывали его с огромным любопытством, но вскоре оно поубавилось, и близнецы вновь оказались полностью поглощены собой, захвачены тайной своей двойственности.

— Мы всегда думаем одно и то же.

— Даже если это что-то очень сложное. В точности одно и то же.

— Спроси нас о чем-нибудь, и нам в голову придет один и тот же ответ.

— Даже если он неверный.

Тут они рассмеялись абсолютно одинаковым смехом, и по спине Мартина пробежали мурашки.

С тех пор отец с братьями заезжали за ним регулярно. Они ездили кататься на аттракционах, ходили в океанариумы, где плавали сонные рыбины, гуляли по рощам на окраине города, плавали в залитых солнцем, полных детского крика и запаха хлора бассейнах. При этом на лице Артура неизменно читалась усталость, он присутствовал и в то же время как бы отсутствовал, да и близнецы не очень-то скрывали, что участвуют во всем этом, потому что их просто заставили. И хотя Мартину все это было совершенно очевидно, то были самые прекрасные вечера в его жизни. В последний раз Артур подарил ему цветной кубик с вращающимися сторонами — новую игрушку, только-только появившуюся на рынке. Вскоре Мартин уже просиживал с ним часами, мог проводить так целые дни — настолько его покорила головоломка.

— Мартин!

Он снова обернулся.

— Ты что, уснул?

Он подумал, не врезать ли ему еще раз, но решил не связываться. Драться было бессмысленно — Эрик был сильнее.

«Жаль», — подумал Эрик. Он бы с радостью отвесил Мартину оплеуху — притом, что, в общем-то, ничего против него не имел. Просто его бесило бессилие брата, бесили его кротость и боязливость. К тому же он все еще помнил и винил его за тот вечер семь лет назад, когда родители позвали их в гостиную, чтобы сообщить кое-что важное.

— Вы что, разводитесь? — поинтересовался Ивейн.

Родители в ужасе замотали головами: нет-нет, честное слово, нет! И тут Артур сказал, что есть еще и Мартин.

Эрик был настолько потрясен, что тут же предпочел сделать вид, будто то, что им только что сообщили, весьма забавно — но только он набрал в легкие воздуха, чтобы засмеяться, как услышал, что рядом с ним захихикал Ивейн. Так оно и бывает, когда ты один — и тебя одновременно двое, и любая мысль приходит в голову не тебе одному.

— Это не шутка, — сказал отец.

«А почему вы говорите об этом только сейчас?» — хотел было спросить Эрик, но и тут Ивейн его опередил:

— А почему вы говорите об этом только сейчас?

Артур ответил лишь, что порой все не так просто, как кажется.